

Война есть продолжение политики*...

/*Прим. автора: эту цитату из Клаузевица многие применяют совершенно не к месту и не правильно. Почему-то считается, что автор написал ее в смысле равной желательности войны и политики... На самом же деле Клаузевиц, насмотревшись на то, как Кутузов укатывает сначала турков, а потом — Наполеона, сделал вывод, что любые военные действия должны иметь политический смысл, и служить политическим целям, а в отрыве от политики любые чисто военные победы — бессмысленны*/

Утром меня, вместо сдвоенных зелий — ждал вызов к директору. Его мне передала наш декан на завтрак. Сам же Дамблдор на утреннем приеме пищи не присутствовал. Зато наблюдать за остальными учениками было... забавно. Мой Внутренний круг отчаянно зевал после всеобщего бдения, связанного с организацией кошмара для Панси. Конечно, это могло бы вызвать подозрения... если бы не тот факт, что большинство учеников с жаром и до глубокой ночи обсуждали вчерашний демарш и реакцию на него Снейпа и Паркинсона-старшего*, а потому — зевали за завтраком ничуть не менее сладко. При виде этой картины со стороны зельевара пришло ощущение подлинного незамутненного счастья: Снейп уже предчувствовал, как будет снимать баллы и разносить засыпающих учеников.

После завтрака я не стал тянуть и сразу отправился к директору. Все было подготовлено заранее, псевдоличность — установлена и откорректирована в соответствии с текущей обстановкой. На крайний случай — заготовлено несколько ультимативных аргументов, пускать которые в ход я особенно не собирался... но имея их под рукой — чувствовал себя спокойнее.

Услышав про «драже Берти Боттс», горгулья освободила проход. В помещении царило приятное глазу освещение. Разнообразные приборы и приборчики светились, негромко звякали, и иногда выпускали клубы и струйки дыма. Умиравший феникс сидел на жердочке и с философским спокойствием ожидал конца.

Я решил повторить сцену из книги: подошел и погладил птицу. Но Фоукс как-то не спешил вспыхивать и рассыпаться прахом. Я присмотрелся повнимательнее: фениксу осталось жить еще около недели и умирать «прямо сейчас» он как-то не намеревался. Что ж. Возможно, мои действия изменили цепь событий, а может — нами играет воля Владыки изменчивых ветров. В любом случае — это подсказка, что указания путеводной книги стремительно теряют полезность, и по возможности следует жить своим умом.

— Гарри! — Позвал меня со своего места у стола на возвышении директор. — Подойди сюда... — Естественно, я не стал спорить и подошел.

— Господин директор... мне кажется, Вашей птице... ей как-то нехорошо.

— Ты прав, Гарри. — Директор вздохнул. — Фоукс умирает.

— Умирает? — Вздогнул добрый мальчик Гарри, каковым и являлась моя псевдоличность. — Но отчего?

— От старости, Гарри. От старости. Но не волнуйся. Фоукс — это птица-феникс, сгорев в огне, он вновь возродится птенцом.

Успокоенный относительно судьбы незнакомого ему феникса, «Гарри» расцвел в улыбке. Дальше в течение какого-то времени шел разговор «ни о чем»: о змеюстости, об отношении других учеников как к наследнику Слизерина, о выборе Распределяющей шляпы и выборе самого Гарри... В течение этого разговора директор аккуратно исследовал мозги «Гарри».

Мда... В первый раз за все время нашего знакомства я увидел в директоре мага, достойного называться Великим. До сих пор я только подозревал это... и вот теперь — получил наглядное доказательство истинности своих подозрений. Настойчивость, неспешность, уверенность в достижении цели... Только многолетний опыт в такого рода играх позволял мне прятаться в глубинах сознания маски и наблюдать за действиями директора*.

/*Прим. автора: и не надо говорить, что это «внезапно вскрывшийся талант». В тексте упомянуто, что Морион действовал в качестве агента влияния и главы нескольких культов Архитектора Судеб в Империи. А, скажем, тот же Эйзенхорн был только полным инквизитором дольше, чем Дамблдор прожил на свете. Так что, если те не нашли — этот и давно не найдет*/

Директор, между тем, действовал аккуратно и осторожно. Прежде всего, он проверил «мое» отношение к нападениям Флинта и Забини. Убедился, что оно именно такое, какое я и озвучил в Большом зале, и постарался очень аккуратно его изменить. Нет, директор не стал доводить дело до того, чтобы «Гарри» бросился на атаковавших его слизеринцев прямо в коридоре при первой же встрече. Директор всего лишь посеял сомнение в том, было ли «подлое нападение» личной особенностью данных учеников, или же подобная подлость характерна для всего Слизерина.

Следующим моментом, на который обратил внимание Добрый Дедушка, было действие зелья Доверия. Разумеется, имитировать это весьма неспецифическое действие было нетрудно, так что состояние психики «маски» его полностью отражало. И Дамблдор взялся за сложную задачу коррекции воздействия зелья. Он аккуратнейшим образом, стараясь ничем не повредить сознанию ребенка, убрал действия зелья там, где ему было это нужно, и даже довел до обратного: теперь маска должна была испытывать сомнения в словах любого слизеринца, которые хоть немного такое сомнение допускали. Постепенно (очень постепенно, и отнюдь не в ближайшем будущем), такое недоверие должно было подорвать дружбу Гарри с Драко и Дафной.

После этого директор просмотрел отношение к Гермионе, и, убедившись, что оно взаимно, вздохнул с облегчением.

— Жаль, конечно, что у детей нет будущего... но пусть получают столько счастья, сколько смогут. — С этими словами директор слегка пригасил обычную детскую застенчивость, которую обнаружил в глубине сознания маски.

— Господин директор? — Удивился «Гарри».

— А, нет, ничего. Извини, Гарри. Обливиэт! — Удаление воспоминания было произведено очень мягко и чисто. Теперь «Гарри» должен быть уверен, что просто не разобрал бормотания директора себе под нос.

Следующим пунктом программы директор внимательно просмотрел причины, подвигнувшие меня на изучение традиций чистокровных, и магических кодексов. Тут Дамблдор наткнулся на яркое солнышко любопытства, которое я бережно скопировал с основы личности, и поцокал языком. Директор не стал гасить этот очаг, но всего лишь внес несколько установок.

Для этого Дамблдор сначала поискал в памяти «Гарри» высказывания слизеринцев о «грязнокровках»... и не нашел пригодных к использованию. Драко и Дафна, естественно, ничего подобного себе не позволяли, а с остальными же я общался слишком мало, чтобы скрытные последователи Изумрудного мага так раскрывались. А вот благородные и ратующие

за всеобщее равенство гриффиндорцы наговорили такого... В общем, директор поморщился, но продолжил работать с тем, что есть. Теперь, изучая традиции, «Гарри» должен был чуть больше внимания обращать на их несправедливость и расистскую сущность.

Неплохо. Весьма не плохо. Я бы даже сказал — красиво все было проделано.

На этом разговор закончился. И, успокоив «взволнованного ребенка», директор отправил меня на следующие по расписанию занятия.

А после занятий в Большом зале появился Аслунд* Паркинсон. В темно-синем плаще с изящным золотым шитьем, с полированной, украшенной мастерской резьбой тростью, лорд Паркинсон мгновенно привлек внимание практически всех присутствующих в зале девушек, и для этого ему не понадобилось даже легкого приворота. Последнее вызвало злобно-завистливую гримасу на лице Локхарта. На фоне лорда Паркинсона преподаватель ЗоТИ смотрелся откровенным попугаем. Так что я заподозрил, что вся история с нападением Панси на Миа была если не срежиссирована, то существенно подкорректирована Кузнецом Преисподней. Несмотря на привычку мыслить в глобальном масштабе и рулить судьбами галактических секторов, Тысячеликий принц не гнушался и таких вот мелких перемен.

/*Прим. автора: отец Панси. Если его зовут как-то иначе — прошу читателей мне об этом сообщить*/

Лорд Паркинсон, провожаемый взглядами всего зала, поклонился преподавательскому составу, но прошел к столу Гриффиндора. Я поднялся ему навстречу.

— Господин Поттер. — Склонил голову отец Панси.

— Лорд Паркинсон. — Зеркально отразил его кивок я.

— Я хотел бы заверить Вас, что нападение на Подопечную Вашего рода — ни в коей мере не является выражением позиции рода Паркинсон, и хотел бы предложить компенсацию, которая могла бы загладить это оскорбление... и принести свои извинения в связи с этим инцидентом.

— Вот как... Перед родом Поттер извиняется не род Паркинсон, но и не лично Панси. Что ж. Неплохой способ снять конфликт, сохранив при этом лицо.

— Благодарю Вас, лорд Паркинсон. — Я улыбаюсь оппоненту настолько тепло и искренне, насколько это допускается этикетом политического маневрирования. — И прошу Вас передать Вашей дочери мои извинения за использование формулировок, излишне резких для личного конфликта. В качестве же компенсации я прошу Вас, как члена Попечительского Совета Хогвартса, поставить перед своими коллегами вопрос о включении в программу школы кроме Истории Магии, еще и учебный предмет, характеризующий современное состояние Магического общества, а так же суть и смысл традиций и магических Кодексов. Это помогло бы чистокровным волшебникам не забывать о столь важных вещах, как традиция Покровительства, а Обретенным — позволило бы верно оценить собственное место в обществе и открывающиеся перед ними перспективы.

От Миа пришла волна чистого, незамутненного восторга. Перспектива изучения чего-то нового — радовала любопытную девочку несказанно. А вот остальные ученики посмотрели на меня далеко не столь одобрительно. Я же ехидно ухмыльнулся залу. Темный лорд ведь должен вредить всем и каждому? Вот и ловите. На мой взгляд, маленькая мстия распространителям слухов — более чем удалась, потому как сплетники редко отличались страстью к учебе, и уж их-то перспектива введения нового предмета — обрадовать точно не могла.

— Благодарю Вас, господин Поттер, за проявленную умеренность и понимание сложившейся непростой ситуации. Я обязательно передам Ваши извинения моей дочери. — Под взглядом отца Панси отчетливо съежилась. Похоже, что процесс «передачи извинения» девочка представила себе в красках. — А так же я рад, что, несмотря на юный возраст, Вы готовы проявлять внимание не только к личным и родовым, но и общественным проблемам. Так что я обязательно озвучу поставленный Вами вопрос на ближайшем же заседании Попечительского Совета, и приложу все силы для его скорейшего положительного разрешения.

По Большом зале пронесся тяжкий вздох. Перспектива введения нового предмета стала угрожающе (для нежелающих учиться) реальной.

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849782>